

УДК 340.1(094)
УДК 322
DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-3-63-71

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И
КОНФЕССИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

**REGULARITIES OF THE INTERACTION TRANSFORMATION BETWEEN THE STATE AND
CONFESSIONS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**

Н. П. Романова,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
rik-romanova-chita@mail.ru

N. Romanova,
Transbaikal State University, Chita

В. И. Младенов,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
mladenov.v@mail.ru

V. Mladenov,
Transbaikal State University, Chita

А. В. Жуков,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
artem_jukov68@mail.ru

A. Zhukov,
Transbaikal State University, Chita

Статья посвящена выявлению закономерностей трансформации взаимодействия государства и конфессий в досоветской России. *Объект исследования* – государственный подход к государственно-конфессиональным отношениям. *Предмет исследования* – влияние идей либерализма в области религиозного реформирования в России и Советском Союзе. *Цель исследования* – изучение концептуальных и практических аспектов религиозного реформирования в России и Советском Союзе. Установлено, что взаимодействие государственной и конфессиональной сферы в этот период развивалось в зависимости от направления реформаторской деятельности правителей, которые стремились подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением чего является формирование церковной концепции власти [5]. Новизна исследования связывается с обоснованием наличия двух тенденций, оказывающих влияние на конфессиональную политику государства, одна из которых связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы. Другая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, который реализуется в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к православию. В статье доказывается, что в нач. XX в. указанные процессы существенно трансформировались, подвергаясь влиянию реформ, реализация которых в конечном итоге привела к началу эпохи либерализации, законодательно закрепившей нормы естественного права и конституционного строя

Ключевые слова: государственно-конфессиональное взаимодействие, церковная концепция власти, досоветская Россия, реформы конфессиональной сферы, православие, либерализация, закономерности, конфессиональная политика, религиозная свобода, ограничительные меры

The article is devoted to identifying patterns of transformation of interaction between the state and confessions in pre-Soviet Russia. *The object of the research* is the state approach to state-confessional relations. *The subject of the research* is the influence of liberalism's ideas on religious reform in Russia and the Soviet Union. *The purpose of the research* is to examine the conceptual and practical aspects of religious reform in Russia and the Soviet Union. The authors have revealed that the interaction between state and confessional spheres during this period has developed according to the direction of reformatory activity of rulers, who sought to bring the religious

sphere under a single principle, embodied in the formation of the church concept of power. *The novelty of the research* is associated with the justification of the existence of two trends influencing the confessional policy of the state, one of which is associated with the desire to achieve a greater degree of religious freedom. The other is related to the desire to preserve order, which is realized in a number of restrictive measures in relation to other religions and protectionist measures in relation to Orthodoxy. The article proves that in the early twentieth century these processes are significantly transformed, being influenced by the reforms, the implementation of which eventually led to the beginning of the era of liberalization, which legislated the norms of natural law and constitutional order

Keywords: *State-confessional interaction, church concept of power, pre-Soviet Russia, confessional reforms, Orthodoxy, liberalization, laws, confessional policy, religious freedom, restrictive measures*

Введение. Взаимодействие государства и конфессий определяется в основном традициями управления. Подходы власти к религиям основываются на реформаторской деятельности правителей.

Актуальность. Изменение подхода государства к взаимодействию с конфессиональной сферой обусловлена возросшим влиянием, которое оказывает религия на жизнь современного российского общества. Рост этого влияния, с одной стороны, является показателем развития прав и свобод личности, усиления автономии религиозной сферы, конструктивного взаимодействия между религиозными организациями, обществом и государством. С другой стороны, усиление влияния религии может стать причиной проблем, которые могут стать источником угроз личности обществу и государству. Это доказывает закономерность усиления внимания властей к проблемам религиозных объединений и требует формирования внятного подхода со стороны государства к регулированию государственно-конфессионального взаимодействия. В российском государстве накоплен определенный опыт, который оказывает существенное влияние на складывание современной проблематики государственно-конфессиональных отношений и поэтому нуждается в проведении научного анализа.

Объект исследования – государственный подход к государственно-конфессиональным отношениям.

Предмет исследования – влияние идей либерализма в области религиозного реформирования в России и Советском Союзе.

Цель исследования – изучение концептуальных и практических аспектов религиозного реформирования в России и Советском Союзе.

Теоретическая основа исследования составлена положениями теории социальной

эволюции религии, представленной исследованиями Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса.

Методологическая база исследования основана на принципах историзма и системности.

Научная новизна заключается в том, что в работе рассматривается реформирование государственного подхода к взаимодействию с конфессиональной сферой с учетом влияния идей либерализма и консерватизма.

Степень разработанности проблемы. Сфера государственно-конфессиональных отношений в России и Советском Союзе подробно изучена рядом авторов, среди которых выделяются Н. П. Аксаков, А. И. Введенский, Н. П. Гиляров-Платонов, Л. А. Тихомиров, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев. Церковное реформирование исследовалось в советских публикациях (Е. М. Ярославский, Г. М. Платонов, Н. С. Гордиенко, П. А. Прокашев, П. Н. Зырянов, Б. Боровой, Е. В. Фоминых, С. Н. Савельев, Н. П. Красников). Проблемы современного законодательства в религиозной сфере обсуждаются А. Алексеевым, О. Ю. Васильевой, М. И. Одинцовым, М. А. Бабкиным, А. Л. Соловьевым, О. К. Шиманской, Н. А. Хаустовой и др. При этом такой аспект, как формирование государственного подхода к государственно-конфессиональным отношениям остается изученным недостаточно.

Результаты исследования заключаются в положении о том, что религиозный фактор в истории России является определяющим условием формирования правовой и политической сферы, так как представляет идеал византийской государственности, основанный на образе «наместника Иисуса Христа», в котором сплетаются функции духовной и светской власти. Поэтому государственно-конфессиональные отношения здесь

развиваются, подчиняясь влиянию реформаторских усилий верховной власти, стремящейся в подчинении религиозной сферы. Однако реформы нач. XX в., ставшие началом распространения идей веротерпимости и религиозного свободомыслия, изменили развитие религиозной сферы страны, закрепившей принцип свободы совести как основу законодательства, выстраиваемого на конституционной базе. При этом, несмотря на то, что реформирование религиозной сферы проходит в соответствии с правилом, согласно которому вслед за попытками реформ, влекущих за собой непредсказуемые последствия, вступали в действие механизмы контрреформы, направленной на возвращение традиций и порядка, идеалы свободомыслия сохранялись в обществе и служили основой для новых попыток либеральной реформации.

Обсуждение результатов исследования.

Правовая и политическая история России во многом определены их религиозной спецификой, решающее влияние на которую оказало христианство. При этом до начала X в. восточные славяне управлялись в рамках системы, выстроенной на почитании языческого пантеона и структуры власти, выстроенной по его аналогии. Такое положение дел не предполагало наличия веры в божественное происхождение княжеской власти, понимавшейся как земной институт [20. С. 207]. Однако целью религиозной реформы князя Владимира стало стремление обеспечить религиозную легитимацию государства, которая была невозможна в рамках религиозного многообразия и конъюнктуры решений народного вече. Поняв, что перестановки в языческом пантеоне не позволят отказаться от влияния вече, князь обратился к религиозно-политической концепции Восточно-Римской империи, в соответствии с которой он стал представлять собой наместником Бога на троне христианского государства [6. С. 73].

Одним из следствий реформы Владимира стало противостояние, обусловленное стремлением славян к сохранению свободы религиозного выбора, проявившееся первоначально в выступлениях волхвов и язычников, а затем – в появлении двоеверия и мистических сект, примерами которых являлись стригольники и иудействующие, не считавшие, что правитель русского государства может быть представителем Бога. Еще од-

ним следствием реформы Владимира стало формирование феодальной раздробленности, так как выведение власти из подконтроля земных институтов привело к росту сепаратизма среди князей. Они рассматривали свой удел только как вотчину, на территории которой пользовались как политическими, так и экономическими правами собственника, считая себя полновластными хозяевами этих земель [9. С. 71].

Развитие раздробленности привело к установлению монголо-татарской власти и появлению политического арбитра в лице монгольского хана, признаваемого как князьями, так и Церковью. Сакральный статус верховного владыки в лице хана унаследован московскими правителями в период царствования Ивана Грозного, когда Церковь закрепила за ним прерогативу светской и духовной власти. Московский царь, став «наместником Христа», получал единоличную власть, которая считалась условием, обеспечивающим общественный порядок, так как причиной этого было соответствие планам, которые, как считала Церковь, Бог определил для Российского государства. В свою очередь государство поддерживало Церковь и укрепляло ее статус в народном сознании. В частности, в это время формулируется новая концепция государственной власти в России, которая носит теологический характер и указывает на новую роль Москвы, становящейся мировым центром христианства, «Третьим Римом», превзошедшим в благочестии все другие государства и народы [15. С. 253].

XVII в. открыл для Российского централизованного государства новые возможности и новые проблемы, связанные с тем, что население не желало смириться с необходимостью религиозного единства, требуемого центральным правительством и Церковью. Эти настроения нашли отражение в Церковном расколе XVII в., который был инициирован реформой Патриарха Никона, стремившегося к унификации церковного обряда и преодолению остатков язычества. Идеологи раскола стали одними из первых религиозных мыслителей, которые осознанно формулировали концепцию государственной власти в государстве, которое считали подлинно православным. Как писал Н. А. Бердяев, религиозный раскол произошел не столько по вине темного обрядоверия, сколько по причине борьбы мнений о сущности право-

славного государства. Одну сторону здесь занимали те, кто считал Москву олицетворением православного царства, доказывая, что «Москва – Третий Рим», другую – их противники, для которых идеалом оставался евангельский образ Царствия Божия, как состояния души. Этот раскол внутри Церкви, как писал Н. А. Бердяев, стал определять все ее противоречивое развитие. Углубление этих противоречий было усилено реформой, проведенной Петром I, который не принял православную концепцию, перестав ориентироваться на идеологию «Третьего Рима» [3].

Причиной этого было то, что в соответствии с западноевропейскими идеалами, на которые он ориентировался, первичным был приоритет светской власти государства над личной волей монарха. Должность монарха подвергалась десакрализации, продолжением чего служил отказ от церковной концепции императора, как наместника Христа, а самой Церкви, как сакрального института. Многие представители теологической концепции власти утверждают, что именно эта реформа является главной причиной последующей деформации отношений между государством и Церковью. Однако, на наш взгляд, эта реформа довела до логического конца решение вопроса о том, чья воля, патриарха или монарха, должна превалировать в управлении российским государством. Особенностью петровского реформирования явилось то, что традиционная для России форма самодержавной власти стала наполнена Петром I западным секулярным содержанием, сутью которого был светский абсолютизм и нормы естественного права. Однако светские нововведения вступили в противоречие с традициями управления страной, которое вело к противостоянию и брожению в кругах, близких императору [8].

После его смерти реформы были свернуты. Начался период дворцовых переворотов и смуты, закончившейся только с приходом к власти Екатерины II, вынужденной вернуться к решению задач достижения социальной легитимации власти. Курс на установление конституционной монархии, который взяла Екатерина II, заключался в организации управленческой системы, где граждане были равны перед законом, обладали политическими свободами и управлялись правительством народного доверия. Важнейшей социальной мерой было распро-

странение свободы совести, которая понималась как веротерпимость [1; 21]. Однако депутаты Земского Собора не смогли договориться об условиях всеобщего равенства, что стало непреодолимой преградой для реализации принципа веротерпимости, напрямую увязанного с принципами православной концепцией власти [16. С. 34]. Таким образом, екатерининские реформы, имевшие антиклерикальную направленность, вели к упрочению союза, в котором самодержавие связывалось с православием и народностью. Реформаторские усилия Екатерины II были обречены на неуспех, причиной которого стало отсутствие политической стабильности и неуправляемые последствия, к которым могли привести эти реформы, угрожающие существующей государственной системе. Как только инициаторы реформ понимали, к каким негативным последствиям для стабильности всей государственной системы в целом они могут привести, реформаторские усилия сворачивались, происходила резкая смена политики, начинался поиск выхода из кризиса, заключавшийся в актуализации властных институтов [18. С. 229].

В период царствования Павла I произошел возврат к идее самодержавной власти, согласно которой император выступал в роли «наместника Христа», как единственного выразителя закона для подданных. Однако отвержение земных институтов, способных стать его поддержкой, привело императора к гибели [19]. Поэтому, наследуя престол, и готовя свои реформы, Александр I пытался создать идейную опору самодержавной власти и государству. Его целью было построение либерального общества, основанного на нормах естественного права. Однако к нач. 20-гг. XIX в. императору стало очевидно, что попытка проведения социальных и церковных реформ, основанная на обращении к общегуманистическим идеалам, провалилась. Прозападные настроения, которые получили распространение в обществе, испугали императора и он изменил свою политику, пытаясь сохранить существующее положение вещей. Теперь он обратился к Православию и предлагаемой им концепции власти, основанной на нормах божественного права, в этом видя силу, способную удержать страну от погрязания в хаос [12].

Начиная с этого времени и на протяжении всего XIX в., российские императоры

больше не стремились к проведению реформ, основанных на ценностях либерализма и нормах естественного права. Все это время властный и церковный дискурс постулирует идею о том, что особенностью России, в отличие от западноевропейских стран, являются специфические особенности управления социальной, культурной и религиозной жизнью [11. С. 134]. В частности, политика Николая I в отношении религиозной жизни характеризовалась стремлением к сохранению и укреплению всего, что представлялось ему исконным и чистокровно русским. Большие усилия предпринимались в отношении укрепления православной веры, что выражалось в стремлении к наведению порядка, установлению единообразия и разработкой системы наказаний за любые провинности, главным из которых было мздоимство. В результате проводимых реформ была сформирована так называемая «николаевская система» управления, в которой место Православия было определено в Своде Законов Российской империи, который провозглашал, что приоритетной является охрана православия, как господствующего исповедания; во имя этого значимым направлением является борьба с нежелательными религиями и идеями, а также поддержание абсолютизма, как способа управления; заботе о материальном благополучии священства; удалении клира от проблем управления Церковью [8. С. 49].

Таким образом, государство взяло под свой контроль все значимые для Церкви вопросы. В свою очередь Церковь оказалась призвана придавать государственному управлению религиозный смысл, а также корректировать политический курс государства в религиозной сфере. Александр II проводил политику ограничения прав католиков и мусульман, одновременно реализовывая мероприятия, направленные на усиление контроля государства за их деятельностью. При этом, проводимые им реформы частично облегчали положение иудеев и старообрядцев, которые существенно расширили свои гражданские права. Однако затем вновь произошел откат в сторону усиления консервативных мер, направленных на сохранение существующих порядков, осуществленный при Александре III [14].

Проводивший реформирование религиозной сферы К. П. Победоносцев, ставил перед собой задачу поставить религию под

контроль государства и сделать Православие оплотом консерватизма. Другие религии были поставлены в условия репрессий, что привело к тому, что значительное количество людей было лишено возможности вести религиозную жизнь в соответствии со своими убеждениями. При этом империя не могла проводить политику ужесточения этих сил доводя ее до бесконечности, что стало особенно ощутимо в период правления Николая II, который первоначально пытался следовать курсу своего отца, а затем под влиянием событий Первой Русской революции вынужден был дать населению России ряд гражданских и религиозных свобод [4].

Ситуация на религиозном пространстве страны в этот период характеризовалась доминированием Православия, которое являлось государственной религией, защищаемой законодательством и Императором, как Верховным блюстителем веры. Приоритет светской власти над Церковью достигался посредством включения ее в структуру Святейшего Правительствующего Синода. Однако в самой Православной Церкви существовал ряд проблем, следствием чего стала невозможность противостоять возросшему влиянию сектантов и иноверцев [2. С. 19].

Реформаторская деятельность Николая II началась с подписания Именного Высочайшего Указа Николая II в декабре 1904 г., который предполагал разработку закона о свободе вероисповедания под лозунгом «укрепления начал веротерпимости». В нем император постулировал необходимость проведения широких социальных реформ, которые были нацелены на устранение притеснений граждан в религиозной сфере. В данном указе официально обозначено право перехода из православия в иное исповедание, т. е. подданные российского императора впервые получили возможность выбора вероисповедания [7]. Впервые в российской истории реформаторская деятельность царя провозгласила отказ от богословской концепции власти и постулировала идеал конституционной монархии, основанной на принципах естественного права. Указ гарантировал населению ряд политических и гражданских свобод, первым и наиболее значимым среди которых была свобода совести, а в качестве института представительской власти теперь была Государственная Дума, выступавшая в качестве гаранта провозглашаемых гражд-

данских прав [11]. В содержании этого документа признавалось, что свободный выход из православной церкви не является угрозой ни для личности, ни для государства, поэтому открывал возможность для легализации своих религиозных предпочтений для католиков, старообрядцев и «сектантов», а также смягчал требования к рамкам деятельности мусульман и буддистов. Это означало установление в России порядка, при котором гарантировалась свобода религиозного выбора и отправления религиозных обрядов [10. С. 32].

Однако начавшаяся сразу после опубликования Указа пропаганда иноверия, в первую очередь протестантизма и католицизма, привела к тому, что число православных начало сокращаться и православие не могло составить этим конфессиям достойной конкуренции. Поэтому правительство вернулось к политике ужесточения контроля в отношении последователей неправославных вероисповеданий. Начались преследования верующих, в первую очередь, баптистов и адвентистов, которых обвиняли в политической неблагонадежности и симпатиях социалистическим идеям [2. С. 46].

Таким образом, попытка Церковного реформирования не имела окончательного успеха и за ней также последовали антиреформы, что подтверждает наличие определенной закономерности, характеризующей всю религиозную историю России, в которой можно наблюдать наличие двух тенденций, одна из которых связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы. Другая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, которое реализуется в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к Православию [22].

Однако вопрос о том, является ли такая политика последнего императора его ошибкой и свидетельствует ли она о слабости его как правителя, является предметом дискуссии, на деле выходящей за пределы его жизнедеятельности, так как касается однотипных процессов, продолжающихся в религиозной сфере России уже на протяжении нескольких сот лет. На наш взгляд, качественным отличием процессов реформирования нач. XX в. была реализация проекта религиозного многообразия [17]. Законодательные акты начала

XX в. завершили формирование системы веротерпимости, а в 1917 г. Временное правительство впервые в истории законодательно утвердило нормы свободы совести в России. Последовавшие вслед за этим революционные события перевернули представления о религии в целом. Результатом глубоких изменений, произошедших в результате последствий воздействия реформ на общество, стала его демократизация и возможность проведения Поместного Собора, которая была реализована уже после февральской революции в 1917–1918 гг. В процессе проведения Поместного собора широкие круги общества получили возможность решить вопрос о новых формах взаимодействия между церковью и государством. Этот формат стало определять утверждение самостоятельной позиции Церкви в отношениях с властями, которое ознаменовалось восстановлением патриаршества [13. С. 75]. Следствием этого события стало произошедшее тогда обособление власти от проблем церковной жизни. Таким образом, изменение представлений о содержании государственно-конфессиональных отношений в российской истории было связано с началом реформ Николая II, основанных на нормах либерализма и естественного права, постулирующих установление конституционно-монархического строя.

Выводы:

1. Взаимодействие государственной и конфессиональной сферы в России во многом определяется традициями управления, влияние на которое длительное время оказывал христианский догмат о верховном правителе – «наместнике Иисуса Христа», в должности которого переплетались функции светской и духовной власти. В связи с этим формирование подходов власти к взаимодействию с религиями здесь развивается в зависимости от направления реформаторской деятельности правителей, которые стремятся подчинить религиозную сферу единому началу, олицетворением чего является формирование церковной концепции власти.

2. Процесс трансформации подходов государства к взаимодействию с конфессиональной сферой в досоветской России включает сочетание двух тенденций, одна из которых связана со стремлением достичь большей степени религиозной свободы, проявляющейся в формировании неподкон-

трольной государству среды. Другая тенденция связана со стремлением к сохранению порядка, которое реализуется в ряде ограничительных мер по отношению к иным религиям и протекционистских мер по отношению к православию.

3. Реформы сферы государственно-конфессионального взаимодействия происходят в соответствии с правилом весов, раскачиваясь от одной крайности к другой, и вызывая последствия, которые становится возможным преодолеть только приводя в действие контрреформы. Однако в нач. XX в. указанные процессы существенно трансформируются,

подвергаясь влиянию реформ Николая II, нацеленных на смягчение вероисповедной политики. Установление в России порядка, при котором гарантировалась свобода совести, религиозного выбора и отправления религиозных обрядов, несмотря на последующее проведение контрреформ, способствовало качественному изменению представлений о содержании государственно-конфессиональных отношений и в конечном итоге привело к началу эпохи либерализации, законодательно закрепившей нормы естественного права и конституционного строя.

Список литературы

1. Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость. СПб.: Тип. Общественная Польза, 1905. 292 с.
2. Бендин А. Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 44–58.
3. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
4. Боханов Н. А. Николай II. М.: Молодая гвардия, Русское слово, 1997. 446 с.
5. Дворниченко А. Ю. Центр и регионы России при «старом режиме»: диалектика развития взаимоотношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. С. 8–51.
6. Живов В. М. Разыскания в области истории и преемственности русской культуры. М.: Яз. славян. культуры, 2002. 758 с.
7. Забужный И. А. В защиту веры. СПб.: Тип. М. М. Стасюлинича, 1914. 256 с.
8. Карташев А. Церковь при Петре Великом // Очерки по истории Русской Церкви. М.: Терра, 1992. 569 с.
9. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб.: Алетейя, 1998. 443 с.
10. Кулиев Ф. М. Основные изменения в конфессиональном законодательстве Российской империи во второй половине XIX начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 231–234.
11. Морина Л. П. Христианская модель власти в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 6. Вып. 2. С. 134–142.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
13. Пинюгина Е. В. Столетие поместного Собора и отголоски «церковной революции» 1917 г.: векторы политики памяти руководства РПЦ и церковной интеллигенции // Политическая наука. 1999. № 3. С. 70–90.
14. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ: (церковные реформы в России 1860–1870-х гг.). М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1999. 567 с.
15. Свистунов М. Н. О влиянии Русской Православной Церкви на формирование основ русской цивилизации // Социально-гуманитарные знания. 2004. №1. С. 252–261.
16. Стенник Ю. В. «Наказ» Екатерины в оценке иерархов русской церкви // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2001. № 1. С. 34–38.
17. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М.: Рус. панорама; Калуга: Облиздат, 2003. 479 с.
18. Швец Ю. П. О причине провала реформ Александра I // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 6. С. 229–231.
19. Шильдер Н. К. Полный комплект из 9 книг: 1) Александр Первый. Т. 1–4. 2064 с.; 2) Император Павел Первый. Т. 1–3. 800 с.; 3) Император Николай I: Его жизнь и царствование. Т. 1–2. 820 с. М.: Эксмо, 2009.
20. Ячменев Ю. В. Этико-политические ценности русского средневековья // Правоведение. 2001. № 3. С. 207–219.
21. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. S. 10003.
22. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. T. 11. № 5. С. 1321–1330.

References

1. Arsenyev K. K. *Svoboda sovesti i veroterpimost* (Freedom of conscience and religious tolerance). SPb. Type. Public Benefit, 1905. 292 p.
2. Bendin A. Yu. *Vestnik RGGU* (Bulletin of the Russian State Humanitarian University), 2009, no. 17, pp. 44–58.
3. Berdyayev N. *Istoki i smysl russkogo kommunizm* (Origins and meaning of Russian communism). Moscow: Nauka, 1990, 220 p.
4. Bokhanov N. A. *Nikolay II* (Nicholas II). Moscow: Young Guard, Russian word. 1997. 446 p.
5. Dvornichenko A. Yu. *Trudy Istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University), 2010, pp. 8–51.
6. Zhivov V. M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kultury* (Research in the field of history and prehistory of Russian culture). Moscow: Yaz. Slavs. Culture, 2002. 758 p.
7. Zabuzhny I. A. *V zaschitu very* (In defense of faith). SPb.: Type. M. M. Stasyulinich, 1914, 256 p.
8. Kartashov A. *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi* (Essays on the history of the Russian Church). Moscow: Terra, 1992, 569 p.
9. Kotlyar N. F. *Drevnerusskaya gosudarstvennost* (Old Russian statehood). St. Petersburg: Aleteya, 1998, 443 p.
10. Kuliyeu F. M. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* (Theory and practice of social development), 2011, no. 6, pp. 231–234.
11. Morina L. P. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Bulletin of St. Petersburg University), 2008, Series 6, Issue. 2, pp. 134–142.
12. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime* (Russia under the old regime). Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1993, 424 p.
13. Pinyugina Ye. V. *Politicheskaya nauka* (Political science), 1999, no. 3, pp. 70–90.
14. Rimskiy S. V. *Rossiyskaya tserkov v epohu velikih reform: (tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh gg.)* (The Russian Church in the era of great reforms: (church reforms in Russia in the 1860s–1870s). Moscow: Krutitsy Patriarchal Compound: Association of Church History Lovers, 1999, 567 p.
15. Svistunov M. N. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* (Social and humanitarian knowledge), 2004, no. 1, pp. 252–261.
16. Stennik Yu. V. *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* (Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University), 2001, no. 1, pp. 34–38.
17. Fedorov V. A. *Russkaya pravoslavnaya tserkov i gosudarstvo. Sinodalny period (1700–1917)* (Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700–1917) Moscow: Rus. panorama; Kaluga: Oblizdat, 2003. 479 p.
18. Shvets Yu. P. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of the Altai State University), 2008, no. 6, pp. 229–231.
19. Shilder N. K. *Polny komplekt iz 9 knig: 1) Aleksandr Pervy. T. 1–4; 2) Imperator Pavel Pervy. T. 1–3; 3) Imperator Nikolay I: Yego zhizn i tsarstvovaniye. T. 1–2.* (A complete set of 9 books: 1) Alexander the First. Vol. 1–4; 2) Emperor Paul the First. Vol. 1–3; 3) Emperor Nicholas I: His life and reign. Vol. 1–2). Moscow: Eksmo, 2009.
20. Yachmenev Yu. V. *Pravovedeniye* (Jurisprudence). 2001, no. 3, pp. 207–219.
21. Zhukov A., Bernyikevich T. *MATEC Web of Conferences. electronic edition* (MATEC Web of Conferences. electronic edition), 2018, pp. 10003.
22. Zhukov A., Zhukova A. *IEJME: Mathematics Education* (IEJME: Mathematics Education), 2016, vol. 11. no. 5, pp. 1321–1330.

Информация об авторе

Романова Нелли Петровна, д-р социол. наук, профессор ВАК, профессор кафедры управления персоналом, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, деловые коммуникации, управление человеческими ресурсами
vromanow@yandex.ru

Младенов Василий Иванович, соискатель, кафедра философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: философия безопасности, религиоведение, культурология, социальные и психологические проблемы личности, религиозная безопасность
mladenov.v@mail.ru

Жуков Артем Вадимович, д-р филос. наук, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья
artem_jukov68@mail.ru

Information about the author

Nelly Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, business communications, human resources management

Vasily Mladenov, applicant for scientific degree, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Research interests: philosophy of security, religious studies, cultural studies, social and psychological problems of the individual, religious security

Artem Zhukov, doctor of philosophical sciences, professor, Philosophy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: religious studies, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalie

Для цитирования

Романова Н. П., Младенов В. И., Жуков А. В. Закономерности трансформации взаимодействия государства и конфессий в дореволюционной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 63–71. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-3-63-71.

Romanova N., Mladenov V., Zhukov A. Regularities of the interaction transformation between the state and confessions in the pre-revolutionary Russia // Transbaikal State University Journal, 2022, vol. 28, no. 3, pp. 63–71. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-3-63-71.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2022 г.
Статья принята к публикации: 28.03.2022 г.